

Ань Цзинси передал брату сводку данных о Цюне Теренсе.

Обычный текстовый документ: сухие факты и лаконичные цифры.

Возраст — шестнадцать лет.

В настоящее время обучается на Столичной звезде, в Главном городе Довиль, в Академии Святой Ивы — заведении, пользующемся в обществе стойкой репутацией «Академии невест». Учебный корпус расположился по соседству с Академией Фаньсэ, входящей в десятку сильнейших военных вузов Империи.

Ань Цзинъюаню в своё время поступить в Святую Иву не удалось.

В то время как омеги из знатных семейств без труда проходили конкурс, Ань Цзинъюаня даже не допустили к испытаниям. Минимальным порогом зачисления считался обычный класс С. Абитуриентов категории D туда не принимали, а о низшем классе вроде Цзинъюаня и говорить не приходилось.

По этой причине старший сын генерала с самого детства не посещал учебных заведений. Можно было бы подобрать академию попроще, однако Генерал Ань посчитал, что обучение в нетитулованном заведении запятнает честь семьи. В итоге Цзинъюань остался заперт в стенах поместья.

В Империи Лос действовал закон об обязательном двенадцатилетнем образовании, но Ань Цзинъюань так и не переступил порог школы. Наёмные репетиторы занимались с ним дома, однако официального аттестата это не заменяло. У него не было даже документа об окончании начальных классов — он выпал из системы с самого начала.

В детстве и юности братья изредка менялись местами. Очень редко — буквально в исключительных случаях — Цзинъюань под видом Цзинси отправлялся на занятия, но подобные вылазки давались непросто. Слишком много рисков: от банального посещения уборной до привычки альф беспрестанно похлопывать друг друга по плечам.

В детстве Цзинси не раз признавался, что искренне завидует брату. Он называл себя бездушной машиной, вынужденной зубрить уроки и в академии, и дома. Ему казалось счастьем спать до полудня, быть свободным от изнурительной физической подготовки, тренировок на мехах и бесконечных домашних заданий. Цзинси был свято убеждён, что ни один нормальный ученик не способен любить учёбу.

Но Цзинъюань любил.

Он точно так же завидовал младшему брату, как тот завидовал ему. Не имея возможности прожить обычную школьную жизнь, Цзинъюань с тихим любопытством гадал, какова же она —

эта хвалёная «Академия невест».

Молодой Цюн Теренс готовился перейти на второй курс старшей школы. Судя по выписке, он удерживал статус лучшего ученика на потоке.

Омега высокого класса А+.

Во всей Империи число омег высшего класса S не превышало двух десятков, поэтому юноша с показателем А+ был заветной мечтой любого альфы. Генеральный прокурор души не чаял в сыне: до шестнадцатилетия омегу берегли от чужих глаз, не выводили в свет и не устраивали смотров.

В иных обстоятельствах Цюн Теренс стал бы идеальным кандидатом в супруги Кронпринца, однако прокурор предоставил сыну свободу выбрать спутника по сердцу.

— Хотя прямо об этом не говорят, суть понятна всем, — произнёс Ань Цзинси, глядя на брата.
— С шестнадцати лет господину Теренсу устраивают встречи с альфами из влиятельных родов. Раз в несколько дней — новый кандидат. И так будет продолжаться, пока он не сделает выбор.

Цзинъюань на мгновение задумчиво замер, после чего спросил:

— Ты с ним виделся?

— Нет, — качнул головой Цзинси. — Семья Теренс бережёт его слишком ревностно.

— Судя по личной карточке, он станет прекрасным спутником жизни.

— Возможно, — безразлично отозвался младший.

— Через пять дней состоится ваша встреча. Думаю, тебе стоит с ним познакомиться.

Цзинси взглянул на брата с лёгкой улыбкой:

— Брат, ты же знаешь: твоему чутью я доверяю больше, чем собственному.

Цзинъюань молчал.

— Сходи на эту встречу сам, — продолжал Цзинси. — Если решишь, что он достоин, я попробую за ним ухаживать.

Он протянул руку и аккуратно снял с волос Цзинъюаня едва заметную пушинку:

— Окна ведь закрыты... Откуда здесь этот пух?

— Из отцовского кабинета, — ответил Цзинъюань. — Там стоит декоративное дерево.

— Понятно, — хмыкнул Цзинси. — Помнишь, ты обещал: если мне кто-то не по душе, ты не станешь связывать с ним жизнь? Я отвечу тем же. Если ты считаешь Цюна Теренса достойной партией, у меня будет ещё четыре года до его совершеннолетия, чтобы завоевать его расположение.

— Хорошо, — соглашаясь, кивнул Цзинъюань.

Улыбка Цзинси стала теплее. Вспомнив о чём-то, он добавил:

— Ах да, чуть не забыл. Мама очень за тебя переживает.

Цзинъюань активировал персональный оптический компьютер и отправил сообщение Юань Инсюэ. Ответ пришёл незамедлительно: мать предлагала встретиться вечером в стеклянной оранжерее.

— Мама ждёт меня в оранжерее, — сообщил Цзинъюань, поднимаясь с места.

— Я провожу вас, — откликнулся Цзинси.

Братья вышли из комнаты. Вскоре по лестнице спустилась Юань Инсюэ. Завидев сыновей, она мягко улыбнулась — от этой светлой улыбки её и без того прекрасное лицо словно засияло изнутри.

Она поравнялась со старшим сыном, а Цзинси пошёл следом. На выходе военный распорядок перед ними тяжёлые двери. Стоило им переступить порог особняка, как на некотором отдалении пристроились двое конвоиров в форме. Подобный порядок соблюдался неукоснительно: ни одна из трёх госпож поместья не могла перемещаться по территории без сопровождения солдат-бета.

Стеклянная оранжерея

Вскоре они подошли к стеклянной оранжерее. Цзинси остался дежурить снаружи, а Цзинъюань вместе с матерью переступил порог.

В поместье Генерала Аня царили жёсткие порядки. В обычной семье мать и сын могли бы свободно поговорить в любой комнате, но здесь стены имели уши. Цзинъюаню запрещалось подниматься на четвёртый этаж, а господам путь на второй — обитель сыновей-альф — был заказан.

Внутри оранжереи мягкий янтарный свет фонарей подчёркивал изысканный уход за растениями, создавая уединённый, уютный уголок. Впрочем, и мать, и сын выглядели куда прекраснее окружающих их цветов.

Присев за резной деревянный столик, Цзинъюань разлил чай по пиалам и одну из них осторожно подал матери.

Юань Инсюэ приняла чашку, взглянула сыну в глаза и тихо проговорила:

— А-Юань, мне так жаль...

— О чём ты, мама? — замешкался юноша.

— Я ведь твоя мать, — печально вздохнула она. — Я знаю, к чему стремится твоя душа, о чём ты мечтаешь и что тебе дорого. Но я абсолютно бессильна тебе помочь.

— Не говори так, — качнул головой Цзинъюань. — В тех жёстких рамках, что тебе отведены, ты сделала всё возможное.

— На днях я ездила в родной дом, к отцу и брату.

В поместье генерала Аня ни Юань Инсюэ, ни её старший сын не чувствовали себя дома. Для матери настоящей обителью оставалась семья Юань. Однако статус омеги не позволял ей ночевать вне стен генеральского особняка — даже в праздники визиты ограничивались короткими часовыми чаепитиями. Генерал Ань не потерпел бы ни малейшей тени на репутации семьи.

— Ты ездила из-за мехи для Цзинси? — спросил Цзинъюань.

В сентябре младший брат должен был поступить в Академию Фаньсэ. До сих пор он управлял лишь мехами начального уровня, но для четвёртого класса требовалась индивидуальная сборка.

Юань Инсюэ качнула головой:

— Нет. Я ездила ради тебя, мой А-Юань.

— Ради... меня? — не понял Цзинъюань.

Она протянула руку и накрыла его ладонь. Их пальцы оказались одинаково прохладными — сказывалась врождённая склонность омег к зябкости.

— А-Юань, ты задумывался, почему в роду Юань из поколения в поколение рождаются выдающиеся мастера меха-строения?

Хотя семья Юань не занимала высоких постов в столице, её генеалогическое древо действительно славилось гениальными инженерами.

— Я знаю о вашей тайне с Цзинси, — тихо произнесла Юань Инсюэ. — С тех пор, как вам исполнилось пять лет.

Цзинъюань замер. Мать знала об их подменах. Знала — и ни разу не попыталась помешать, хотя раскрытие обмана навлекло бы на неё страшный гнев Генерала. В этом заключалась её молчаливая материнская защита.

Она устремила взгляд за прозрачные стены оранжереи, где в полутьме мерцали фонари вдоль аллеи.

— До того как проявился мой вторичный пол, отец и мысли не допускал, что я стану омегой, — вполголоса проговорила она.

Цзинъюань удивлённо распахнул глаза. Об этой странице прошлого матери он не слышал никогда.

Юань Инсюэ оперлась локтём о стеклянную столешницу, подперев щеку ладонью. Её пышный рукав прикрыл кисть, а льдисто-серые глаза — точная копия глаз Цзинъюаня — встретились с его взглядом.

— Когда я была маленькой, отец часто рассказывал мне о великих предках нашей семьи, — с едва уловимой грустью улыбнулась она. — Ах, если бы я только не родилась омегой...

Она улыбалась, но Цзинъюань остро почувствовал её невидимые, невыплаканные слёзы. В этом они были бесконечно похожи. Цзинъюань с детства ощущал, как окружающий мир лишает его радостей, увлечений и свободы — и теперь понимал, что мать прошла через точно такой же ад.

— Отец обнимал меня и говорил, что я стану новой звездой семьи Юань... Следующим великим мастером, — тихо продолжала она.

Она выросла в семье, где каждый жил конструированием мех. Старший брат, старше её на

десять лет, брал маленькую сестрёнку на все соревнования. Она с упоением впитывала знания, мечтала стать гордостью семьи... Но судьба распорядилась иначе.

Вторичная дифференциация определила её как омегу — пусть и низшей категории.

Тогда мать рыдала над ней часами. С того дня всё изменилось. Брат больше не брал её с собой на полигоны, отец замолчал о чертежах. На смену мехам пришли уроки флористики, музыки и танцев. Она ненавидела это, но боязнь лишиться любви близких заставляла её молчать.

Юань Инсюэ вздохнула и осторожно вложила в ладонь сына крошечный накопитель:

— Возьми.

— Что это? — изумился Цзиньюань.

— Я украла его, — с лёгкой, почти озорной улыбкой ответила она.

Цзиньюань лишился дара речи. Юань Инсюэ — и кража? Это совершенно не вязалось с её кротким образом.

— В последние недели я часто навещала отца и брата, — пояснила она. — Просила их дать мне личные конспекты и наработки по проектированию мех. Они отнеслись к этому с недоумением и отказали, заявив, что омегам подобные знания ни к чему. Однако... они всё же систематизировали все записи и спрятали их в сейфе кабинета. А я знала, где лежит ключ.

— Ты сделала это... ради меня?

— Ради тебя, мой А-Юань, — тихо произнесла она. — Я слишком поздно поняла, как сильно сожалею о том, что в детстве не осмелилась бороться за своё будущее.

Цзиньюань сжал её прохладную ладонь в своих пальцах:

— Мама... Неважно, что записано на этом чипе. Твоя поддержка и твоё сердце — ценнее всего на свете.

<http://bllate.org/book/20423/2106501>